

Роберте

«Но именно это мне больше всего в нем и нравилось. Он приспособился к тому, что балки падают, а когда они падать перестали, он приспособился и к тому, что они больше не падают».

Дэшил Хэммет. «Мальтийский сокол»*

* Перевод Ю. Здорова. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть I

1

БЛАД

Еще не поднявшись, он знал, что уже в пути. Даже содрогаясь от непроизвольного оргазма, он знал. Знал, что она мертва, знал, что он в пути. Даже стоя на дрожащих ногах и пытаясь проталкивать медные пуговицы в тесные петли, он знал: все, что он сделал или о чем думал в этой жизни, придется начинать сначала. Даже если удастся замести следы.

Ему не хватало воздуха, стоя на подкашивающихся ногах, он хватал его ртом, задыхаясь и хрипя. Ошеломленный. Как будто получил удар под дых. Кровь молодом стучала у него в горле. Все вокруг, кроме этого судорожного дыхания и неестественно обострившегося зрения, словно бы перестало существовать. Ряды можжевеловых зарослей текли через поле словно водяные струи; серебристые клены обступали змеившуюся между ними каменную ограду.

Он подумал, что позади Билли стена поднимается вверх по склону, подумал просто так, вспомнив, что иногда чинил ее, укладывая обратно камни, вывалившиеся из-за морозов и разрастающихся корней. Теперь

он видел все, как картинку, нарисованную резкими чернильными штрихами: скалы, прошитые сморщенными нитями кварца; покрытые мхом бугры, похожие на приподнятые в удивлении плечи; почерневшую древесину под сгнившей корой; алюминиевый блеск сухостоя.

В стене зияла дыра от вывалившегося камня, размером и формой напоминавшего заднее сиденье автомобиля, под ним — ком земли, обозначающий вход в покинутую лисью нору. О боже, это не его вина, но ведь скажут, что его. Он схватил Билли за щиколотки и оттащил к стене. Не в силах взглянуть на ее лицо, закатил под камень. Ее тело уже приобретало восковую бледность. Текстура ее спустившихся чулок, контуры ногтей светились тем люминесцентным холодом, который свойствен недавно преставившемуся в последний момент перед тем, как его пожрет пламя или вода засосет на дно. Под камнем имелось пустое пространство. У нее откинулась в сторону рука, вялая, со сжатыми пальцами, как будто она держала в ней ручное зеркало или флаг в честь Четвертого июля*.

Испепеляющий шок инстинктивно нашел разрядку в физическом усилии, это был ответ психики на нежелание сознавать содеянное, на неутихающую зубную боль, на суровую погоду, на чувство одиночества. Он восстановил над ней стену, неосознанно имитируя естественное беспорядочное скопление камней — сработал защитный рефлекс. Когда тело оказалось полностью погребено под камнями, он набросал сверху опавших листьев, веток и сучьев, разровнял ногами и замел веткой след волочения.

* День независимости США, празднуется 4 июля, в день принятия Декларации независимости США от Великобритании в 1776 году.

Теперь обратно — по полю, держась поближе к забору, но иногда все же невольно оступаясь в сторону. Он не чувствовал собственных ног. Солнце начинало садиться, октябрьский день клонился к вечеру. Столбы забора, обозначавшего границу между полями, мерцали, как отполированные штыри, хмурый свет покрыл его лицо медно-красной маской.

Трава вилась вокруг его ног, лиловатые ости распахивались, выстреливая градом семян. Далеко внизу, напротив тополиной рощи, он видел дом, отлакированный оранжевым светом, — ни дать ни взять картинка, выгравированная на металлической пластине. Провисшая крыша отбрасывала нежную, как цветение плесени, изогнутую тень, от которой листва деревьев казалась гуще.

Добравшись до сада, он опустился на колени и долго вытирал руки о жесткую траву. Плодовые деревья полуодичали от ливней и забившего сад сухостоя. В нос бил запах гниющих фруктов. «Если удастся замести следы», — повторил он, с трудом втягивая воздух через сведенное судорогой горло и видя перед собой не то, что случилось там, у стены, а своего деда, опрыскивающего дерево бордоской жидкостью: длинная струя шипит в листве, облачка отравленной яблонной плодовой жидкости взмываются в воздух, как языки пламени; женщины и дети, в том числе он сам, стоя на лестницах, снимают яблоки; ляпка от корзины врезается в плечо; пустые корзины из расщепленной дубовой коры стоят под яблонями; когда они заполняются до краев, мужчины грузят их на тележки и везут в холодное хранилище; старик Роузбой, с голой покатою шеей, в грязной остроконечной шляпе, похожей на снабженный полями допотопный фильтр для патоки, постукивая по днищу бочки,

серьезно повторяет снова и снова: «Не надо торопиться, одно гнилое яблоко портит всю чертову бочку».

Вечерняя мгла поднималась от заросших лиственным лесом склонов и обесцвечивала небо, придавая ему вид грязной шелковой юбки. Он видел и слышал все с суровой четкостью; а вот то, что произошло наверху, под стеной, казалось смутным. Койоты, вытянувшись цепочкой вдоль утинового болота, перекликались жуткими завываниями. Перебирая влажной ладонью голые жерди — подпорки для фасоли, он прошел через увядший огород. Мошкара, словно облачка бледной пыли, клубилась вслед за ним.

Возле угла дома он остановился и помочился на почерневшие стебли кентерберийских колокольчиков Джуэл. Семенные коробочки затрещали, как погремушки, и легкий пар дрожащей тенью поднялся у его ног. Одежда не грела. Серые рабочие штаны были испачканы землей на коленях, утыканы застрявшими в ткани семенами травы и шипами ежевики, куртка обсыпана шелухой древесной коры. Расцарапанная ее ногтями шея саднила. Мерцающий образ ее ногтей сверлил ему мозг, он старался прогнать его. Свиристели шуршали в жесткой листве, словно кто-то разворачивал там папиросную бумагу. Из кухни до него доносился голос Минка, похожий на звук шлепающихся пластов распаиваемой земли, ему отвечал приглушенный ровный голос Джуэл, его матери. Казалось, все было как прежде. Билли лежала там, под стеной, но было ощущение, что ничего не изменилось, если не считать его сверхобострившегося зрения и спазма, который он ощущал где-то за грудиной. С провисшего шпагата, натянутого между двумя столбами крыльца, свисали бобовые плети, и он видел каждую прожилку, рассекающую листья, и прячу-

щиеся в тени лиственных складок выпуклости стручков. Трещина на расколовшейся тыкве с измазанной землей «попкой» походила на раззявленный рот. Открывая сетчатую дверь, он раздавил ногой листок.

В углу у входной двери стояла проволочная корзинка для яиц. Из-под корзинки, наполовину заполненной бледными яйцами, сочилась и затекала под рабочие ботинки Минка вода. С гвоздей свисала вонючая рабочая одежда, куртка Даба и его собственная джинсовая куртка с оторванным карманом, напоминавшим разверстую рану. Он вытер ноги о кусок мешковины и вошел.

— Почти вовремя. Вы с Дабом, Лоял, никогда не поспеваете к столу вовремя, всегда вас ждать приходится. Твержу тебе это с тех пор, когда тебе было четыре года. — Джуэл пододвинула ему миску с луком. Ее ореховые глаза терялись за бликующими стеклами очков. Валик мышц, подпиравший ее нижнюю губу, был твердым, как дерево.

На кухонном столе по кругу были расставлены белые тарелки, таким же кругом рот Минка обрамлял жир. Лицо его заросло щетиной, красивой формы губы чуть провалились из-за недостающих зубов. На клеенке цвета яичного желтка лежали тусклые столовые приборы. Зажав в ладони разделочный нож, Минк приготовился резать окорок. Окорок пах кровью. По полу тянуло холодом, где-то в стене сновал хорек. На холме в нескольких милях вдали чердачное окно поймало последний луч света, заполыхало на несколько минут и померкло.

— Передавай тарелки. — Голос у Минка стал глухим после случившейся за несколько лет до того аварии на тракторе, судя по всему, что-то защемилось тогда у него в глотке. Изрезанная вдоль и поперек белыми линиями шея Минка напряглась, он приступил к нарезанию око-

рока. Надпись на верхней части его фартука гласила: **КРЕПКИЙ ОРЕШЕК**. Красные ломти шлепались с ножа на тарелки, от жара трещинки на глазури разбежались, как вставшие дыбом волосы. Стальное лезвие ножа было узким от многочисленных заточек. Добравшись до кости, Минк стал действовать осторожно: истончившееся лезвие легко могло сломаться. Взглядом бледно-голубых, как разбавленное молоко, глаз он окинул стол.

— Где Даб? Шалопай чертов.

— Не знаю, — ответила Джуэл. Выпрямившись на стуле, она жесткими, огрубевшими руками, похожими на пучки морковок, вытрясала перец из стеклянной перчатницы в форме собачки. — Но вот что я тебе скажу. Кто опаздывает к ужину, рискует остаться без него. Я готовлю еду для того, чтобы ее съедали горячей. А никто даже и не думает утруждаться, чтобы сесть за стол, пока она не остыла. Это всех касается: не пришел вовремя — об ужине забудь. Будь ты хоть самым святым Петром. Мне начхать, если Даб снова сбежал. Он думает, что может приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Ему плевать на труды, затраченные другими. А мне плевать, даже если Уинстон Черчилль со своей поганой толстой сигарой захочет с нами поужинать, мы никого ждать не будем. Если что-нибудь останется, значит, ему перепадет, но я не думаю, что что-нибудь останется.

— И я не думаю, — прищурившись, сказала Мернель. Ее косички, сложенные вдвое петельками, были закреплены резинками для волос, перед сном снимать их было больно, у девочки были слишком крупные для ее лица зубы и фамильные руки с кривыми пальцами и плоскими ногтями, и еще она неуклюже сутулилась, как Минк.

— А вас, мисс, никто не спрашивает. Заработала чуток денег на чечевичных стручках — и считаешь, что можешь в каждый разговор встречать? Вот как деньги портят человека. Хорошо, что меня нечем портить — у меня их нет.

— Я занимаюсь и другими хорошими делами, не только чечевичными стручками, — высокомерно сказала Мернель. — На этой неделе у меня три важных дела. За чечевицу я получила шесть долларов, мне прислал письмо сержант Фредерик Хейл Боттум из Новой Гвинеи, потому что нашел мою записку с пачкой сигарет в посылке, которые мы собирали в воскресной школе, и еще наш класс едет в Бартон на детективный фильм. В пятницу.

— И сколько чечевичных стручков ты собрала за эти шесть долларов? — Минк снял свою рабочую кепку и повесил на ушко в спинке стула. Копна волос высвободилась, и ему приходилось постоянно дергать головой влево, чтобы волосы не падали на глаза.

— Сотни. Тысячи. Тридцать мешков. А вот угадай, папочка, что еще! Некоторые ребята сдавали зеленые стручки, и им за них платили по десять центов за мешок. А у меня все были правильные, сначала высушенные на сеновале. Единственный, кто собрал больше меня, это старик из Топандера. Семьдесят два мешка. Но ему же не надо ходить в школу. Он может целый день валять дурака и собирать чечевицу.

— А я-то все гадаю: какого черта там, наверху, везде разбросаны чечевичные стручки. Сначала решил, что это Лоял придумал дешевый корм для коров. Потом, что это что-то для украшения.

— Пап, из чечевицы не делают украшения.